

Ада Дэйтлер

**Можешь на меня
положиться**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д94

Дэйтлер А.

Д94 Можешь на меня положиться / Ада Дэйтлер. – М.: Литнет, 2026. – 248 с.

ISBN 978-5-521-93364-8

Александра Точилкина устраивается на работу в офис, чтобы набраться опыта в своей профессии. Она усердно «работает на зачетку», даже не замечая того, какие страсти происходят вокруг. Саша абстрагируется от офисного хаоса и интриг, отлично справляясь с рабочими задачами, однако постепенно начинает понимать, что эти рабочие страсти начинают влиять, причем не самым лучшим образом, как на её близкую коллегу, так и на нее саму. Что же такое происходит в офисе и почему Александра, сделав себе хорошую репутацию, решает уволиться?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93364-8

© Литнет, 2026

© Дэйтлер А., 2026

Глава 1.

Что я знаю о служебных романах

Служебный роман... Все же смотрели в Новый год фильм про Новосельцева и сухую (мокрую) директрису?

В своей жизни я видела такой роман лишь раз. И если в фильме герои взаимно друг в друга влюбились, то в жизни ситуация была намного печальнее.

Но сейчас не об этом.

В детстве, помимо фильма, служебный роман можно было увидеть в школе. Моя мама учитель, в силу чего папа часто ревновал её к каким-нибудь её коллегам. Сначала это был молодой и красивый директор школы, отдаленно напоминавший мне Киану Ривза в фильме «Матрица». Ревность была безосновательна: у Киану Ривза были жена и ребенок, а у мамы – мы (тут, конечно, нечем гордиться, но все же), учебники по русскому языку и литературе и, пожалуй, романы эротического содержания (до сих пор помню, как мой брат в период пубертата утащил роман «Ночная красавица» к себе в комнату для легкого чтения). Однако масла в огонь добавило их совместное фото с мамой и всем выпускным одиннадцатым классом, которое я случайно вытащила у мамы из сумки, когда она пришла с работы, потому как искала там халву. Халвы не было, вместо этого мне пришлось стать очевидцем семейного скандала, инициатором которого оказалась отчасти маленькая я.

Второй субъект папиной ревности – и вовсе оказался дедом-математиком. У него были седые волосы и пятая точка, по упругости напоминавшая, скорее, чернослив (проверено исключительно визуальным путем). Он напоминал мне Северуса Снейпа из фильмов о Гарри Поттере, потому что постоянно поглядывал в мою сторону с очень подозрительным видом, как будто знал мое истинное

предназначение в этой жизни лучше меня. Черты лица у него также были снейповские. Но и эта ревность была безосновательна, хотя я долгое время считала, что именно этот человек безответно влюблен в мою мать (– После стольких лет? – Всегда). Да и на его уроках я чувствовала себя особенной, не хватало только шрама на лбу в виде молнии, хотя, признаться честно, у меня был желтый фингал под правым глазом (девочка ударила меня кулаком в глаз за то, что я сказала, что у нее колхозные носки). Тем не менее, несмотря на то, что я чистый гуманитарий, оценки по его предмету у меня были всегда высокие.

Среди других учителей тоже никаких служебных шур-мур замечено не было. Поразительно, но многие учителя в школе уже были женаты на учительницах. Таких людей у нас дома называли «кланами» – «клан Васильковых», «клан Петровских», «клан Игоревых» (почти как в Игре Престолов, но только вот в борьбу кланы вступали не за престол, а за распределение премии). И по традиции возглавляли такие семейные кланы новая директриса и её муж физрук, от которого исходили давно уже не нотки страсти в сторону жены, а нотки похмелья после получения прехорошенькой премии.

В университете также ничего подозрительного замечено не было.

Во время преддипломной практики, когда я попала в следственный комитет, что-то в области легкого флирта на работе начало проясняться.

– Александра, Александра, а ведь с каждым днем твоя юбка становится все короче, – сказал мне один сорокалетний следователь, расследовавший дела об изнасилованиях, – Я-то думаю, что-то Васильевич ручки так часто под стол роняет.

Васильевич заметно покраснел и начал отшучиваться.

Затем второй следователь – напарник Васильевича по кабинету – Гайдаенко сказал:

«Так, Александра, поедешь сегодня за результатами экспертизы с водителем. Сейчас он подойдет».

И когда в кабинет снизошел «водила», Гайдаенко иронично выронил:

«Вот Вам девчонка в бежевых колготках, как заказывали, отвезете её в экспертное учреждение на Маркса и высадите ближе ко входу в здание».

Пошлые шутки сквозили часто в их речи относительно меня.

«А куда ты так рано уходишь?» – однажды спросил Васильевич, видя, что до конца рабочего дня осталось часа три, а я уже намылилась с фиолетовой папкой к двери на выход.

«Нужно в банк запрос отвезти. То есть я уйду с концами»

«С концами – это хорошо. Я рад за тебя» – прохихикал Васильевич, лукаво посмотрев на товарища по кабинету.

Тем не менее, к своим коллегам женщинам они относились не так «дружественно».

Девушек, что вернулись к труду после декрета, они считали глупыми и отставшими, ну а тех, что трудились вместе с ними, «оскотиневшими». Хотя по девушкам ничего сказать не могу. Видела только одну, которая постоянно была в неких раздумьях. У нее можно было спрашивать о чем угодно, даже о номере ее банковской карты, потому что в тот момент она была как будто «не с нами» и как будто не в кабинете (наверное, мысленно она была на повышении, куда кстати и отправилась немного позже).

Однако у меня все же была некая влюбленность в двадцатишестилетнего следователя Гайдаенко. Скажем так, он был в моем вкусе, однако выглядел уже далеко не на 26 лет: две мощные залысины спереди, а также озеро в лесу, морщинки под глазами и постоянно заспанное лицо. Но все это несовершенство его образа заметно меркло на фоне его красивых и добрых серо-зеленых глаз, пухлых губ, приятного голоса, пухлых щечек при улыбке. Он не был каким-то супер-следователем, напротив, скорее, – пофигистом. И несмотря на некий бардак на его половине стола, он все же не любил, когда его бардак нарушался чьим-то другим несвойственным ему бардаком.

Когда я проходила практику в следственном комитете и попала к этим мужчинам, я тоже немного расцветала. Мне хотелось быть красивой, иногда глупой. Я поддерживала все их шутки, даже если это были далеко не шутки, или шутили надо мной. Но мне не хватало какого-то экшна. Я все-таки полагала, что мы вместе с Гайдаенко накроем какую-нибудь японскую преступную мафиозную группу, перевозящую наркотики через границу, что будем внедряться в эту группировку, чтобы отследить ее главаря, а в конце практики мне обязательно вручат какую-нибудь грамоту или оскар: «За заслуги перед Отчизной».

«Награждается Точилкина Александра Викторовна за проявленные мужество и героизм в борьбе с международным преступным синдикатом (я не знаю, что это, но звучит круто)...»

Вместо этого я получила кучу уголовных дел, которые нужно было прошивать и нумеровать, а, кроме того, готовить к ним описи их листов.

Единственный допрос, который мне доверили – допрос свидетелей по делу, которое планировалось списать в архив. Да и этот допрос я немного завалила. С самого утра я хотела заслужить себе звездочку на невидимые погоны и поплелась атаковать подъезд одного из столичных домов, в котором предположительно и проживали соседи злоумышленника. Открыли мне с трудом: только тогда, когда я представилась разносчиком пиццы.

Моя первая допрашиваемая леди оказалась бабкой. При этом она решительно не считала меня ни следователем, ни даже стажером. А, когда я записывала её показания, она сама диктовала, как лучше написать. В результате чего после слов: «Мною прочитано, с моих слов записано верно», она дописала своим кривеньким старушечьим почерком: «Мне хотелось бы быть уверенной в том, что мой сосед ни в чем не виновен».

Когда я привезла эти записи в следственный, я знатно получила и от своего руководителя практики, и от его коллеги по цеху, во-пер-

вых, за опоздание, ну а во-вторых, за то, что пояснения по делу всех свидетелей написаны одинаковым почерком – моим.

Затем в это же управление пришла на стажировку моя самая гнусная соседка по общежитию с первого курса – Томила. Она была беззаботной платницей, а оттого они с подружкой целыми ночами голливудили, мешая мне готовиться к экзаменам. На время отсутствия ее руководителя практики эту бомбу замедленного действия подсадили в кабинет Гайдаенко. А, когда одному из следователей потребовалась помощь, Гайдаенко сказал: «Забирайте эту стажерку».

Я посмотрела на него круглыми глазами и пробурчала: «И Вы так просто отдаете свою стажерку?» На это Гайдаенко ответил: «Она не моя стажерка».

Аналогичная ситуация произошла спустя пару дней со мной, когда Томила не явилась на практику (видимо, опять всю ночь развлекалась). И, когда коллега Гайдаенко хотел меня у него забрать, последний начал возмущаться, что-то типа: «Куда ты хочешь забрать мою стажерку?» А я была стажеркой Васильевича, который по непонятной мне причине отсутствовал целый день. Потом Гайдаенко понял, что оговорился и его щеки немного порозовели.

Я знала, что он женат, что у него есть ребенок, но, тем не менее, это не мешало мне разбить яйца в магазине при оплате товара. Я была ужасно рассеянной и неуклюжей, а мысли мои были только о нем и о том, что бы такого сотворить в отделе, чтобы нас с ним представили к награде.

Помню, как мы вместе передопрашивали моих уже «знакомых» свидетелей по архивному делу. Протокол бабки пришлось оставить, потому что физически доехать до следственного комитета она не смогла.

Я же стеснялась проявить жесткость по отношению к людям, надавить, а нужные вопросы при общении с ними то и дело вылетали из моей головы. Гайдаенко увидел мою растерянность и подошел мне помочь с допросом. Когда я сидела в кресле Васильевича, уставив-

шись в монитор, он взял компьютерную мышку, чтобы навести курсор и выделить нужное предложение, но его рука нечаянно коснулась моей и я испытала дикое волнение от такого внезапно-го прикосновения желанного объекта.

И что Вы думаете? Не о допросе я думала в тот момент. Явно не о допросе... Хорошо, что бабулька на допрос не пришла, она бы не дожидая до того момента, когда я отпечатаю бы текст протокола.

Затем мы с Гайдаенко как-то начали разговаривать по душам и он спросил: какая цель у тебя в жизни?

– Ну я хочу чего-нибудь добиться! – решительно ответила я.

– В твоей цели нет конкретики, – сказал он.

– Да? А вот Вы чего тогда хотите? – обиделась я и отзеркалила вопрос Гайдаенко от себя.

– Чего я хочу... – начал отвечать он, – я хочу дать своим детям то, чего в детстве не было у меня.

Эта цель показалась мне скучной, какой-то семейноценностной, обыденной, но все равно я произнесла:

– Похвально.

Нет же, я определенно не умела работать в мужской компании. Там меня больше заботил не Уголовный кодекс, а заботило то, как я выгляжу, как меня воспринимают люди. Так, я очень боялась разговаривать по телефону в присутствии следователей и, чтобы это сделать, я выбегала на улицу и вежливо приглашала их в управление следственного комитета на допрос.

В один из дней Васильевич услышал, как я разговариваю по телефону и хмыкнул:

– «Пожалуйста» придите? Этот мужик угнал тачку директора фирмы возле банка, а ты говоришь «пожалуйста»... С убийцами и маньяками тоже будешь так возиться?

Затем было еще пару ситуаций, явно свидетельствующих о том, что я не могла сосредоточиться в мужской компании.

Так, когда мы с Васильевичем были на дежурстве и я впервые в своей жизни увидела «парашютиста» – девушку, страдающую

шизофренией и неудачно приземлившуюся на асфальт с девятого этажа – Васильевич попросил меня нарисовать схему места происшествия. Нас не учили этому, поэтому я стала рисовать портрет девушки, лежащей на асфальте.

«Так, это что тут у тебя?» – выхватил мой листок Васильевич, посмотрел на него и немного расстроился, – «Опять двадцать пять, Александра. Дай сюда, сам нарисую...»

«А я не знала, что, когда человек выбрасывается из окна, он остается цел» – сказала я.

«Ты похоже много чего не знаешь... Но да, это как мешок картошки выбросить из окна. Но у нее внутри будет куча переломов».

Вечером, когда мы приехали в местный отдел внутренних дел, Васильевич дал писать мне справку по итогам пройденного дежурства.

И, когда перечитывал мою рукопись, решил угарнуть: «Прощальная записка? Вообще-то предсмертная...»

Так и прошла моя практика. Но да, когда появляются чувства и переживания, иногда становится не до работы.

Теперь на собственном опыте я замечаю, что если девушка на работе красится и мажется кремами, то ей можно нести доверенность с тысячей опечаток по тексту, она все равно заметит на бумажке только жировое пятно от крема для рук.

На распределении в суде со служебным флиртом дела обстояли иначе: единственным, что отдаленно напоминало мне об этой тематике, был компьютер моей судьи с разными познавательными видео. Так, например, благодаря одному из них я узнала, что такое анальный шарик и упражнения Кегеля.

– Ух ты, тут у Ангелины Адамовны очень много познавательной информации на компьютере, – отозвалась я к коллеге, сидящей напротив.

– Ну да, не удалила, скорее всего, свои постановления.

– Да-да, тут про постановления тоже много рассказывают, – хитро улыбнулась я, хотя в голове вообще не укладывалось видео

с упражнениями для мышц влагалища с судебными постановлениями и православными аудиозаписями.

Мне не хотелось настолько тесно знакомиться с интересами своей начальницы. Но пришлось.

Как-то раз она пригласила меня в свой судейский кабинет и попросила её сфотографировать, чего я боялась больше всего на свете. Просто, когда ты фотографируешь начальницу, твоя рука начинает инстинктивно дрожать, а в мыслях ты уже слышишь: «Какое плохое фото... Это что? Подбородок? Ракурс и свет тоже ужасны... Ну что ж уволена! Иди, собирай в кабинете свои вещи... Недоеденную конфету под столом тоже – и можешь быть свободна!».

Но это было не самое худшее. Самое худшее было тогда, когда она приспустила оправу от очков чуть вниз и закусила ее губами...

А к этому моя секретарская психика еще не была готова. Я могла пережить всё: ключ, застрявший в принтере; лишение премий из-за жалоб, но не это.

Почему-то начальников как людей узнавать совсем не хочется. К ним отношение как к родителям – есть определенные рамки. Мне было бы неприятно знать, что мои родители занимаются сексом у меня за стенкой, то же самое и с судьей – личная жизнь правосудия должна оставаться неизвестной.

Но кстати и у нас на работе, был секретарь, который получал удовольствие от работы, – та, что работала с молодым судьей-мужчиной. Она постоянно была на каблуках, в очень откровенных одеяниях – то короткая юбка и топ с голым пупком, то кофточка, похожая больше на верхнюю часть пеньюара (и всегда её одежда была облегающей, ресницы нарощенными, ногти заманикюренными, а самооценка высокой).

Но все это время работы в суде у меня была четкая градация: «вот это работа», а «вот это личная жизнь». Работа – это документы, а жизнь – то, что оставалось после подготовки документов – слабоалкогольные напитки и старая бабушкинская квартира.